

Ольга Шо

МЫ — ТВОИ

Ольга Шо

МЫ - ТВОИ♥

<https://litres.ru/74203812>

Аннотация

♥#- С Анфисой мы уже всё обсудили и девушка согласна. - На что это она согласна? - Замуж за тебя выйти она согласна! - Папа, я вообще-то только что пришёл. А здесь меня без меня женили? Какая к чёрту помолвка и будущая свадьба? - Сядь. Не ори. Успокойся. Я сказал то, что должен был сказать. Лазарев раскопал все мои теневые схемы. И я у него полностью в руках. Лазарев хочет, чтобы ты женился на его дочери. И ты женишься, Алексей, если не хочешь, чтобы твой отец отправился за решётку и очень надолго. *** Виктория прижала ладонь к пока ещё плоскому животу. Если Алексей женится, он не узнает, что станет отцом.★История Виктории и спорщика Алексея. Герои неидеальны, импульсивны, ревнивы и молоды

✓ОДНОТОМНИК ПЕЧАТНАЯ КНИГА ДОСТУПНА К ПОКУПКЕ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХWILDBERRIESиOZON

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

= 1 =	4
= 2 =	15
= 3 =	28
= 4 =	43
= 5 =	58
= 6 =	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольга Шо

"Мы - твои"

Алексей Сомов впрыгнул в свою машину и на приличной скорости отправился домой. Нельзя ему сейчас никуда ехать. Наделает глупостей. Нужно остыть и привести в порядок мысли. Сделать это можно только дома, в тишине, подальше от всего, что только что разорвало его душу в клочья.

Алексей недавно окончил университет. Получил юридическое образование, планировал создать семью. С Викторией Ковалёвой. Девушка нравилась ему. И давно, той особенной, тягучей, сладкой болью, когда дыхание перехватывает при одном лишь взгляде.

Но пристально к ней он не присматривался — ведь видел, как к ней проявляет интерес Дмитрий Темнов. А Димка, чего уж там, своего никому не отдаст, это знали все, кто хоть раз попадал в орбиту его власти.

Благодаря дружбе с Богданом Яровым, Алексей был неплохо знаком с Димой Темновым и его братом Константином, а так же с сестрой и братом Богдана Ярова. Богдан же и познакомил Алексея со своими двоюродными сёстрами: Ариной и Викторией.

Алексей старался не замечать Вику. Понимал: против на-

пора Димы Темнова у него здесь шансов никаких, кот наплакал. Вика выберет более перспективного парня, тем более, что её родители даже не скрывают — хотят выдать дочь замуж за Диму, сына их давнего знакомого Максима Темнова. Этот брак был бы для них словно выигрышный билет в лотерею.

Алексей помнил, как три месяца назад рискнул и предложил Виктории сходить на первое свидание. Был уверен, что девушка откажется, что услышит вежливое «нет» и навсегда закроет для себя эту дверь. Но она согласилась.

С радостью, как Лёше показалось, с той самой открытой, детской радостью, которая не вяжется с образом холодной красавицы. С тех пор они встречались и отношения не афишировали. Это был их маленький, хрупкий мир, о который так легко разбиться.

Алексей очень ревновал девушку к Диме. Темнов — это особый «личный пунктик» для Алексея, тот самый, что заставляет сжиматься желудок и неметь кончики пальцев. Несмотря на то, что Дима никогда ничего плохого Алексею в глаза не говорил, впрочем, как и за глаза, Темнову удавалось задавливать конкурентов одной лишь своей властной аурой — тяжелой, давящей, как перед грозой.

Отношения между Алексеем и Викой перешли на новый уровень буквально сразу же: парень присвоил девушку себе, сделал её полностью своей, своей, своей. Сначала удивился, что она так легко ему уступила, буквально через несколько

встреч позволила ему абсолютно всё.

Мог бы подумать, что для Виктории такое поведение в порядке нормы и прыгать из постели одного парня в постель к другому — это нормально. Но ревность тогда отступила на задний план, устыдившись собственной наглости. Всё-таки, Вика никогда не была с Димой, ведь именно Алексей стал у Виктории первым мужчиной. Эта мысль грела его, как греет путника одинокий костер в ночи.

Алексей сам проявил инициативу и предложил Вике поговорить с её родителями. Решил просить руки дочери Андрея Ковалёва, как честный человек. Как мужчина.

Но сегодня утром, застав Дмитрия Темнова наедине с Викторией, не смог справиться с кипящими эмоциями — они захлестнули его с головой, лишая воздуха. Дима ведь привлекательный мужчина, да за ним девчонки табуном ходят, словно за принцем из дешевой сказки.

И тут такое: застать Дмитрия почти обнажённым, всего лишь в одних трусах, наедине с Викой. Да и Вика не выглядела сильно одетой, а скорее наоборот, и этот утренний полумрак в комнате вдруг показался Алексею кричаще-пошлым.

Ревность разъедала изнутри, словно кислота, прожигающая дыру там, где только что билось любящее сердце. С одной стороны — верил, что Вика не могла предать. Верил отчаянно, до хруста в пальцах. А с другой — долбанный червь сомнения грыз и не давал покоя, точил, подтачивал, шептал ядовитые слова.

Ведь Дмитрий так часто бывал в доме Ковалёвых. Удивительно, как он там вообще ещё не поселился. Впрочем, иногда складывалось впечатление, что он там именно живёт, чувствует себя хозяином.

А Виктория... Она ведь такая красивая. Такая, что дух захватывает. И кроме того, когда Лёша и Вика начали встречаться, она с лёгкостью отдалась ему. Алексею даже не пришлось прикладывать больших усилий, чтобы завоевать ту, о которой он буквально грезил последние года два. Вдруг она с такой же лёгкостью, не думая, не терзаясь, легла и под другого? Под этого проклятого Темнова, от одного имени которого сводит скулы?

Стоило о таком подумать, как парень начинал закипать, как самовар на раскаленных углях. Нельзя сомневаться в той, которую он любит. Алексею в такие моменты прибить хотелось себя самого за дурной, ревнивый и взрывной характер. Но ничего не мог с собой поделать — кровь ударяла в голову, и мир тонул в багровом мареве.

Алексей оставил машину у ворот дома и только хотел махнуть охраннику, чтобы пропустил во двор домовладения, как услышал звонок — резкий, настойчивый, как удар кнута.

Отец.

Алексей скривился — не потому, что не любил отца, а потому, что сейчас любое вторжение в его растревоженный мир казалось пыткой — но на звонок ответил. Отца любил

и уважал. Игорь Леонидович Сомов для сына всегда был авторитетом, непререкаемым, как закон. Растил его один, мать свою Алексей не знал. Со слов отца, женщина оставила ребёнка Сомову за определённую плату, а после убралась прочь в неизвестном направлении, даже не оглянувшись.

Любые попытки Алексея выяснить хоть что-то о его матери заканчивались едва ли не скандалами. Отец даже имени не называл той, которая дала жизнь Алексею, будто её никогда не существовало. Алексея угнетало полное незнание о своей родительнице.

Но Сомов старший — ещё с тем характером. Если что в голову себе вобьёт, это уже просто так оттуда не выбьешь, не переубедишь.

— Папа, только не говори, что в выходной нужно приехать на работу? — пытаюсь держать голос ровно, натянув маску спокойствия поверх бушующего внутри вулкана, произнёс Алексей.

— Не в центральный офис, а всего лишь в филиал на Гурзуфской. Жду тебя через двадцать минут, — голос отца не терпел возражений, отлитый из бетона.

— Пап, я хотел... — начал было Алексей, надеясь на отсрочку, на глоток воздуха.

— Лёша, это срочно и не обсуждается. Приезжай, — перебил Игорь Леонидович, и сын физически ощутил, как телефонная трубка раскаляется от отцовской непреклонности.

— Я не успею за двадцать минут — на дорогах могло быть

всё что угодно.

— Поторопись. Я жду и без фокусов давай, — и в этом коротком «без фокусов» было столько знакомого с детства давления, что Алексей невольно выпрямил спину.

— Хорошо. Буду, — спорить с отцом бесполезно, эту аксиому Сомов-младший усвоил ещё в детском саду. Проще съездить и узнать, что там да как, чем сотрясать воздух бесполезными протестами.

Алексей на удивление добрался к филиалу быстро. Уложился в эти несчастные двадцать минут, отведённые ему отцом — и сам не поверил собственному везению. Выходной день всё-таки. Похоже, что все те, кто работают в будние дни, сегодня отдыхают, и дороги оказались более свободными, пустынными, словно вымершими.

Офис небольшой. Этот филиал страховой компании отца, которую Сомов старший передал под начало своего сына — проверка, испытание или аванс, Алексей не знал до сих пор. В основную юридическую контору отца Алексей пока нос не совал, зная, что не время.

Поздоровался на входе с двумя охранниками — те кивнули с привычным уважением — и двинулся в сторону своего кабинета, чувствуя нехорошее предчувствие, которое росло с каждым шагом.

Дверь уже была приоткрыта. Отец его действительно ждёт — и не один. Рядом с ним Алексей увидел Бориса Степа-

новича Лазарева и девушку, которую Алексей пару раз видел на званных вечерах, которые отец и Лазарев устраивали в честь заключения совместных удачных сделок — шумных, с дорогим шампанским и фальшивыми улыбками.

Кажется, девчонка приходится Лазареву дочерью. Но Алексей точно не знал. Может быть, и любовница — всякое бывает в их кругах. Лазареву сорок семь лет, и он на восемь лет младше отца Алексея. Резвый и приткий мужик, весьма спортивного и худощавого телосложения, с цепким взглядом, который ничего не упускает.

— Лёша, ты ведь уже знаком с Борисом Степановичем, — Сомов старший расплылся в улыбке — той самой, дежурной, «для партнеров» — встречая сына.

Алексей натянул на лицо невозмутимую маску, ледяную корку, чтобы эти хищники не поняли, какое у него сейчас паршивое настроение, какая там внутри всё горит и стонет.

— Знаком, — Алексей пожал руку Лазареву, который усмехнулся ему в ответ — коротко, оценивающе, как удав, разглядывающий добычу.

— А это дочь Бориса. Анфиса. Ты ведь тоже знаешь её! — продолжал Сомов, и его голос звенел от плохо скрытого торжества.

Алексей кивнул. Значит, эта белокурая симпатичная кукла — дочь, а не любовница. Хотя, глядя на то, как Лазарев кладет руку ей на плечо, можно было подумать и иначе.

— Мы тут с Борисом долго думали и решили, что неплохо

было бы нам объединить семейный бизнес. Вместе ведь работать лучше, чем порознь, — отец говорил так, будто речь шла о слиянии двух фирм, а не о судьбах живых людей.

Алексей нахмурился. Вот не нравилась ему эта тема — с самого начала не нравилась, как не нравится запах гари перед пожаром.

— С Анфисой мы уже всё обсудили, и девушка согласна, — сказал Сомов, и в его голосе проскользнули стальные нотки.

— На что это она согласна? — рыкнул Алексей, переводя взгляд на девушку: среднего роста, миленькая, сероглазая блондинка, одета стильно и весьма скромно, без вычурности. Да и на лице нет перебора в макияже — он практически отсутствует, словно девчонка и не пыталась нравиться, а была красива сама по себе. Девчонку природа точно не обделила яркой внешностью. Красивая. Слишком красивая, чтобы быть просто пешкой в чужой игре.

— Замуж за тебя выйти она согласна, — добавил Лазарев, смеряя Алексея строгим, ледяным взглядом, от которого у нормального человека кровь стынет в жилах.

Алексей не мог сообразить, для чего его позвали сейчас в офис! Чтобы сообщить, что эта девушка, пусть и очень красивая, хоть трижды мисс совершенство, согласна стать его женой? Так у него уже есть девушка. И он не намерен путаться с какой-то другой девицей, пусть она хоть будет миссис Вселенная, с косой до пят и ангельским голосом.

Оба мужчины требовательно уставились на Алексея, буравя его взглядами. Тот не понимал, чего они от него хотят. Мгновенного ответа? Ненормальные или как? Совсем из ума выжили на своих деловых встречах?

Вслух ничего из этого не произнёс — язык вовремя прикусил, хоть и до крови. Необходимо быть максимально вежливым и тактичным, не нарываться на скандал. Нужно побыстрее сопроводить восвояси Анфису с её отцом, выпроводить их под благовидным предлогом, а после побеседовать с собственным отцом об этой ситуации в более непринуждённой обстановке, по-человечески.

— Так как? — спросил Лазарев, и в этом коротком вопросе прозвучал неприкрытый ультиматум.

— Лёша согласен, — тут же брякнул за сына Сомов старший, делая вид, что не замечает, как яростно сверкнули карие глаза Алексея, как заходили желваки на скулах.

— Папа, я вообще-то только что пришёл. А здесь меня без меня женили? В прямом смысле этого слова! — голос Алексея дрогнул от едва сдерживаемой ярости. — Мне необходимо обдумать ситуацию. Побеседовать с тобой. Наедине, без посторонних.

— Ты ещё думать собрался? — нахмурился Лазарев, и его брови сошлись на переносице, как две змеи. — Я тебе отдаю самое ценное, что у меня есть, а ты... думать...

— Извините, Борис Степанович, вот такой вот я тугодум, не торопливый. А вообще, у меня очень много недостатков,

и... — начал Алексей, но отец не дал ему закончить.

— Лёша! Довольно! — оборвал сына Сомов старший, посылая Алексею предупреждающий взгляд, который означал: «Замолчи, потом поговорим, не при них».

Отца Алексей уважал — это было выше его ревности и гнева. Поэтому держал себя в руках, хотя внутри уже всё ревели и бурлило, как магма в жерле вулкана перед извержением.

— Борь, вы с Анфисушкой идите. А мы с сыном обсудим детали. После я позвоню тебе, обсудим дату помолвки и свадьбы, — произнёс Сомов, улыбаясь — той самой фирменной улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего.

Борис кивнул — коротко, по-военному — взял дочь за руку и быстренько убрался прочь, понимая, что Сомовым нужно всё это перетереть между собой, без чужих глаз и ушей.

Алексей покраснел от бешенства — багровые пятна выступили на шее и лице — услышав последние слова отца. Захлопнул за ушедшей парочкой двери — так, что стекло жалобно звякнуло — и подошёл к родителю, встав перед ним на расстоянии одного шага. Тот спокойно выдержал осуждающий, полыхающий взгляд сына, даже бровью не повёл.

— Какая, к чёрту, помолвка и будущая свадьба, папа? — голос Алексея сорвался на хрип. — Ты что это только что наплёл сейчас этому псу Лазареву? Ты в своём уме?

— Сядь. Не ори. Успокойся, — отец говорил с той ледяной невозмутимостью, которая бесила больше любых кри-

ков. — Я сказал то, что должен был сказать. Лёш, нам нужно серьёзно поговорить.

За два часа до..

— Вот чёрт! — досадливо выругался мужской голос, разорвавший утреннюю тишину. — Что это здесь такое? Так и убиться можно!

— Туфля! — громко хмыкнул в ответ второй — насмешливо, с ленцой. Голос доносился откуда-то из коридора и именно он вырвал Викторию Ковалёву из объятий сна.

Девушка рывком открыла глаза, откинула в сторону сползшее одеяло и, щурясь от яркого субботнего света, перевела взгляд на часы. Семь утра. Выходной. Суббота. Кого там нелёгкая принесла в такую рань? Вот тебе и «побуду одна дома в выходные».

Накинув на тонкую ночную маечку короткий халат — наскоро, кое-как завязав пояс — Виктория бесшумно пошла на шум: посмотреть, что там стряслось. Наверное, младшая сестра кого-то позвала в гости. Надо будет строго сказать ей, чтобы вели себя потише. У Вики были планы.

Она вернулась домой вчера очень поздно: отмечали с подругой день рождения. Подружке исполнилось двадцать. Вика смертельно устала и единственное, о чём мечтала сейчас — это валяться в кровати до полудня. Желательно — в абсолютной, благословенной тишине.

Мама и папа ещё в пятницу вечером уехали на все выход-

ные в гости к Любе и её мужу Вячеславу. Люба — сестра отца Виктории, они часто навещали друг друга и уже много лет поддерживали те самые тёплые, родственные отношения, которые не боишься показать ни на фотографиях, ни в жизни.

У Любы и Вячеслава скоро случится прибавление в семействе: парочка ждёт аж двоих внуков сразу — от дочки и от жены сына. Александра должна родить буквально на два месяца позже Ксении, а Ксюше уже рожать со дня на день.

Подумав об этом, Вика невольно приложила ладошку к своему пока ещё совершенно плоскому животу. Тёплую, чуть дрожащую ладошку. Интересно, как её родители отнесутся к такой сокрушающей новости со стороны родной дочки?

Она ведь даже любимого ещё не успела обрадовать. Обрадует. Обязательно. В понедельник её мужчина обещал прийти к ней в гости и официально просить руки Вики у её родителей. А завтра они просто планировали провести время вдвоём — тихо, сладко, без свидетелей.

Девушка хотела сегодня выспаться. И завтра быть свежей, отдохнувшей, сияющей. Днём ведь ещё будет время спокойно подготовиться к завтрашнему свиданию — прибраться, продумать ужин, включить любимую музыку.

— Вот тебе и отдохнула, — проворчала Виктория с неподдельной горечью. Одна ведь должна была остаться на выходные в доме, а не делить его с шумной оравой гостей.

Она вышла в коридор — и поражённо заморгала, как будто увидела миражи посреди пустыни. Перед ней стояли Богдан Яров, её шестнадцатилетняя сестрёнка Арина и... любимый парень Алексей. Алексей — закадычный друг Богдана Ярова. Видеть этих двоих вместе — привычное дело. Но почему в её доме? И с утра пораньше, без предупреждения?

— Ну и ну! — выдохнула Вика, растерянно переводя взгляд на любимого. Взгляд Алексея тут же заскользил по обнажённым бёдрам девушки, и она мгновенно почувствовала себя неловко — остро, до покалывания в затылке. Перед Богданом, в таком откровенном виде... Надо было одеться нормально, прежде чем выбегать отчитывать младшую сестрёнку.

— Лёша, я рада, что ты пришёл, — начала она, стараясь говорить ровно. — Но я не ждала тебя сегодня! Мы же завтра планировали увидеться! Ты бы позвонил, я встретила бы тебя и...

— А я взяла и привела его к тебе сегодня! — перебила Арина, растянув губы в довольной, даже самодовольной улыбке. Очевидно, сестрёнка искренне считала, что сделала для Вики благое дело.

Вика уже хотела улыбнуться в ответ — теплее, чтобы поприветствовать любимого мужчину так, как он того заслуживает, — но через секунду реальность рухнула, и она поняла, что проснулась окончательно, до самого дна.

— Что он здесь делает? — гаркнул Алексей, да так ярост-

но и зло, что у девушки дрожь прошла от макушки до самых кончиков пальцев.

Виктория не сразу поняла, кого он имеет в виду. Но яростный взгляд парня устремился куда-то за её спину.

Вика обернулась — и осознала, что сейчас ей станет физически плохо.

Сзади неё, в одних трусах, стоял Дмитрий Темнов. Сонно зевал, запустил пятерню в черноволосые локоны и совершенно бессмысленно тарачился на молодёжь. Кажется, он тоже не понимал, что здесь за движуха в такую рань.

Вот теперь Вика могла лишь часто моргать — и закрывать, и открывать рот, как выброшенная на берег рыба, потому что она совершенно не понимала, как в её доме оказался почти обнажённый Темнов!

Дима Темнов — мощный парень, настоящий зверь. Он в совершенстве владел разными техниками единоборств, был завсегдатаем бойцовского клуба Мирона Рязанова, где молотил бойцов за деньги. И не проиграл ещё ни одного боя — ни в ринге, ни, кажется, в жизни.

Арина заскользила любопытным, откровенно девичьим взглядом по мускулистому торсу Дмитрия, разглядывая его без стеснения.

Дима и сам удивлённо моргнул, тарачась на непрошенных гостей.

— Арина сказала мне, что ваших родителей нет дома, — голос Алексея стал тихим, опасным, и это было страшнее

крика. — Они уехали к Ярому. — Он устремил острый, режущий взгляд в глаза той, которую считал своей. А она, как оказывается, не только его, но ещё и Темнова Дмитрия, как минимум. — Теперь я понимаю, как именно и с кем ты проводишь время, когда остаёшься одна дома. Для того, чтобы побыть наедине с ним, — Алексей с отвращением кивнул в сторону Дмитрия, — ты всегда отказываешься ехать к тётке в гости. Кувыркалась с Темновым за моей спиной!

Его взгляд мазнул по почти обнажённому Дмитрию — брезгливо, с ненавистью, — а после парень яростно лупанул по стене кулаком, развернулся и пошёл прочь. Дверь за ним хлопнула с обратной стороны так, что Вика вздрогнула всем телом.

Девушка не понимала, что происходит.

Как так-то?

Её любимый Лёша просто повернулся и ушёл. Даже не дав ей слова сказать.

Вика ведь прекрасно знала, как сильно Алексей ревнует её к Темнову. Да Дима хвостом ходит за Викторией ещё с самого детства. Их семьи давно дружат. И Дмитрий за последний год не один раз предлагал Виктории встречаться, даже сватался к ней, как по старинке — серьёзно, с напором.

Вика отказывала Дмитрию, потому что её сердечко давно уже принадлежало другому. Этот другой ответил ей взаимностью, и радости Вики не было предела — она чувствовала себя подобранной, любимой, нужной.

Теперь она смотрела на Темнова и впервые в жизни почувствовала к нему настоящую, глухую ненависть.

Алексею ведь было отлично известно о чувствах Димы к Виктории. Да о том, как сильно Дима сохнет по Вике, не знал лишь ленивый. Кроме того, Темнов весьма хорош собой, умный и физически развит так, что большинство парней рядом с ним выглядят бледными теньями. Да за ним девушки табунами ходили, ловили каждый взгляд. Но Дима ходил и ходит только за Викторией.

У Алексея были все причины для ревности. Виктория помнила, как Алексей впервые признался ей в своих чувствах — после того, как они провели вместе ночь. Став первым мужчиной у любимой девушки, Алексей тогда словно выдохнул, сбросил груз. Всё-таки Вика никогда не была с Димой или с кем-то ещё. Лёша в этом убедился лично, и это его успокоило.

Но время шло, и ревность в парне стала пробуждаться с новой, разрушительной силой. Алексей всегда умел её контролировать — по крайней мере, так казалось Вике, — и у них с ней всё было прекрасно. До сих пор.

Вика и сама не знала, как бы отреагировала, если бы застала полураздетого жениха после ночного сна в пустующем доме в компании почти что обнажённой девицы. Не факт, что не поступила бы так же, как Алексей поступил сейчас.

В жизни Вика так сильно не волновалась, как в эту секунду. Впервые с яростью — глухой, животной — посмотрела

на побледневшую сестру, которую в данный момент хотелось просто придушить. Вот уж угодила сестричка, так угодила.

После перевела взгляд на Диму. Не выдержала. Кинулась на парня, молотя его по груди кулачками, — ударов которых Темнов даже не замечал, как будто её кулачки были пушинками.

— Вика, я... мы не знали, что ты в доме не одна, — промямлила Арина, бледнея на глазах. — Предупредила бы...

— Что ты здесь делаешь? — выкрикнула Вика, глубоко дыша, проглатывая слёзы боли и обиды, которые душили её. — Да ещё в таком виде? Кто тебя вообще впустил в дом?!

Она заглядывала в глаза Дмитрию, когда тот перехватил её руки — осторожно, но крепко, — прижимая девушку к себе, чтобы успокоить.

— Я пришёл вчера в девять, — ответил Дима ровно, глядя прямо на неё, без тени вины. — Твои родители меня впустили. Дядя Андрей предложил подождать тебя здесь, когда ты вернёшься с гулянки. Я прождал до двенадцати ночи, а после и сам не понял, как отрубился в гостевой комнате. Просто вырубился, Вика. Устал.

— Да зачем ты вообще пришёл сюда ко мне? — голос Вики дрогнул. — Я ведь тебя не звала. Дима, ты хоть понимаешь, что из-за тебя Лёша теперь думает обо мне непонятно что?! Или ты в своей жизни цель поставил — портить мне жизнь, а?

— Лёша даже не выслушал тебя, — процедил в ответ Ди-

ма, и в его голосе проскользнула металлическая нотка. — Повернулся и ушёл прочь. Делай выводы, Вика. Зачем тебе такой норовистый и ревнивый парень нужен, а?

Виктория отлично поняла, что сейчас здесь произошло. А вот все остальные — не очень.

Дима явился в дом без приглашения. Как обычно. Папа на радостях его впустил — ведь всегда хотел, чтобы дочь и Дмитрий сошлись, всячески способствовал этому, лелеял эту мысль. Вот и оставил Диму в доме дожидаться дочь. А Арина решила порадовать сестру и притащила в дом Лёшу с Богданом. И все эти лбы здесь и столкнулись, как в дешёвой комедии.

Вика сглотнула слёзы — тяжёлый, горький комок — и бегом помчалась к себе в комнату. Закрылась изнутри, привалилась спиной к двери, обдумывая, что скажет Алексею.

Им необходимо поговорить.

Он обязан её понять.

Особенно теперь, когда она носит под сердцем их общего малыша.

Богдан проводил Вику неоднозначным, долгим взглядом и осуждающе посмотрел на Диму. Арина и Виктория — единокровные сёстры Богдана и дочери дяди Андрея. Так что с девушками Богдан знаком очень хорошо, со всеми их слабостями и достоинствами.

Диму и его брата Костю Богдан знал с самого детства. Их семьи тесно дружили и дружат до сих пор — крепко, по-со-

седски, с общими праздниками и воспоминаниями. Парни всегда были дружны, почти как братья.

С Алексеем Богдан дружил уже шесть лет. Познакомились, когда Богдан поступил учиться в университет. Лёша был весьма надёжным и понятливым парнем — пока не заходило речь о ревности. О его вспыльчивости можно было слогать легенды. Поэтому такая бурная реакция друга на увиденную утреннюю картину не сильно удивила Богдана. Он почти ожидал чего-то подобного.

— Дима, Вика тебя теперь точно убьёт, — вырвалось у Арины. — Зачем ты к нам пришёл? Ты ведь знаешь, что Вика и Алексей вместе. Или тебе нужно как-то иначе объяснить?

— Неужели? — процедил Дмитрий, накидывая на себя футболку и натягивая брюки. — Жених не стена, его можно и подвинуть.

— Ты это специально, да? — Арина надула губы и вперилась недобрый, колючим взглядом в мужчину.

— Ариша, ну какой специально? — ответил Дима спокойно, даже слишком спокойно. — Откуда я знал, что ты рано утром приведёшь в дом целую компанию? Дядя Андрей сказал, что Вика дома на выходных будет одна. Ты же должна быть с родителями? Я хотел пообщаться с Викой. Наедине. Поговорить.

— А я решила провести выходные с сестрой, — огрызнулась Арина. — Ты подставил Вику, Дима. Опять появился без приглашения.

— Малая, ты не заносись, — голос Темнова стал жёстче.

— Я никого не подставлял. Гадости и подставы в жизни никому никогда не делал и начинать делать не собираюсь. Всё, что здесь произошло — чистая случайность. И ещё, Арина: даже если бы я и знал, что вы с Лёхой и Богданом заявитесь сюда утром, я своих планов не поменял и всё равно бы пришёл. Я не собираюсь ни под кого подстраиваться. У меня есть собственные цели и амбиции. Я их добиваюсь. Честным путём, хочу заметить. А то, что у Алексея проблемы с самооценкой, неверием своей девушке и прочие комплексы — так это его проблемы. И уж никак не мои!

— Дима...

— Всё, Арина. Я не намерен больше ничего объяснять.

— Темнов сел в кресло — развалился, как у себя дома, — и с любопытством посмотрел на Богдана. — Бодь, а ты чего сюда пожаловал? Или решил Лёху сопровождать? Не надоело ещё няньчить его?

— Дима, я вот тебя не понимаю, — Богдан покачал головой. — Девушка даёт тебе от ворот поворот, а ты словно не замечаешь. Хватит ходить за Викой хвостом.

— И просто так отдать её твоему другу? — усмехнулся Дима, но усмешка вышла злой. — Хотя, учитывая, как он себя ведёт, Вика очень скоро сама поймёт, что из себя представляет Алексей.

— Для Лёхи ты, как та красная тряпка для быка, — процедил Богдан. — И тебе это прекрасно известно, Дима.

— Ещё раз повторюсь, Богдан: я не стану ни под кого подстраиваться. Ничто ведь не мешает Алексею изменить свою линию поведения в отношении меня. Он этого не хочет. Ему нравится захлёбываться в своей ревности, питать её, как огонь. Что уж здесь поделывать... — Темнов равнодушно выдохнул, но в глазах у него блеснуло что-то твёрдое. — Парень чувствует комплекс собственной неполноценности на моём фоне и бесится, полагая, что Вика в любой момент может уйти ко мне. И она уйдёт. Сама. Потому что такой, как он, не удерживает.

— Бодь, ты извини, но поход в город отменяется, — расстроенно, почти виновато произнесла Арина. — Я к сестре пойду, а ты постарайся объяснить этому чурбану, что Вике он безразличен. Но желательно за пределами этого дома.

— Тонкий намёк, чтобы я убирался вон, Ариша?

— Ты — нет. А вот ты, Дима, топай на выход. — Арина поджала губы и указала ему пальчиком в сторону двери.

— Негостеприимная ты, Аришка. Я полагал, что ты мне чай или кофе предложишь.

— Папа придет в понедельник и будет рад угостить тебя и чаем, и кофе, и составит тебе компанию. — Арина не стала больше убеждать Диму покинуть дом. Она развернулась и пошла к сестре.

Вика открыла ей почти сразу — будто стояла у двери и ждала.

Арина увидела, что сестра полностью оделась. Даже лёг-

кую курточку успела натянуть, поверх домашнего платья.

— Вик, ты уходишь?

— Да, — ответила та сухо, жёстко, даже не поднимая взгляда на сестру.

— Вик, ты прости меня, — выдохнула Арина, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Я ведь не хотела, чтобы так всё произошло. Решила устроить сюрприз, а здесь Темнов... Я хотела, как лучше.

— Мне надоело, что все лезут в мою жизнь со своими благими намерениями. — Голос Вики дрогнул, но она сдержалась. — Сначала мама, потом папа, теперь вот ты и Темнов. Я сама разберусь, с кем мне общаться, встречаться или ещё как-то пересекаться. Своими благими... вы мне уже просто вымостили дорожку в... сама знаешь куда.

— Вика, мне жаль, что...

— Хватит рассказывать, как тебе жаль, Арина. Перестань извиняться. Я знаю, что ты хотела, как лучше. Просто больше не надо ничего устраивать за моей спиной. — Вика наконец подняла глаза — в них стояли слёзы, но она не плакала. — Хорошо?

— Вика, куда ты?

— Я должна увидаться с Лёшей и всё ему объяснить, — твёрдо сказала девушка и вышла из комнаты, хлопнув дверью громче, чем планировала.

В гостиной перед ней горой вырос Дима Темнов — широкий, невозмутимый, как скала.

— Вика, только не говори, что ты побежишь за этим неандертальцем? — спросил он с ледяным спокойствием.

Девушка обдала мужчину раздражённым взглядом, едва сдерживая слёзы, которые душили её изнутри. Темнов и правда думает, что она будет перед ним объясняться? Отчитываться?

— Дим, я не хочу тебя сейчас видеть, — выдохнула она и попыталась обойти мужчину, но он не позволил. Аккуратно, но властно схватил девушку за руку, легонько дёрнув на себя.

— Я не позволю тебе унижаться перед Сомовым. — Голос Дмитрия был тихим, но в нём чувствовалась сталь. — Он уже сделал свой выбор, когда только что повернулся к тебе спиной и ушёл прочь, даже не выслушав объяснений. Не беги за ним, Вика. Не надо.

<https://litnet.com/shrt/Gdqr>

— Вика обожгла его рассерженным взглядом, в котором смешались обида и ледяное бешенство.

— Ты не можешь мне что-то там позволять или не позволять, Темнов, — процедила она сквозь зубы, попытавшись вырвать свою руку из его стальной хватки. Но Дмитрий не отпустил, лишь сильнее сжал пальцы.

— Вика, давай сядем и спокойно поговорим, — голос Темнова прозвучал непривычно мягко, хотя в глазах застыла тревога. — Обсудим всё, как взрослые люди.

— Дима, мне не о чем с тобой разговаривать. Совсем.

— Дим, отпусти девушку, — вмешался Богдан, положив тяжелую руку другу на плечо. — Ты что, не видишь, в каком она состоянии? Ослеп, что ли?

— Да отстаньте вы все от меня! — крикнула Виктория с такой надрывной болью, что голос сорвался на хрип. — У вас что, своих дел нет?

Она резко, почти до хруста в запястье, вырвала руку из руки Темнова. Дима на этот раз уступил. Разжал пальцы. Отступил на шаг, словно боясь сам себя.

— Что же... наверное, тебе и правда нужно убедиться, что из себя представляет Сомов, — глухо произнес он, пряча взгляд. — Иди. Хочешь, я подвезу тебя до его дома? — предложил с какой-то обреченной покорностью.

— Дима, перестань, — рыкнул Богдан так, что эхо разнеслось по прихожей.

— Оба перестаньте! — фыркнула девушка и выскочила за дверь, громко хлопнув ею на прощание.

Вика не застала Алексея в его квартире. Именно здесь они в последнее время часто встречались — в этих стенах пахло им, его одеколоном и свободой. Наверное, парень отправился в дом отца. К отцу Алексея Виктория не поедет. Она видела этого мужчину однажды — бегло, в супермаркете, но даже того короткого взгляда хватило, чтобы проникнуться стойкой неприязнью. Впрочем, как и он ей.

Она достала телефон, дрожащими пальцами набрала номер любимого. Он не ответил. Сбросил вызов. Сердце на секунду замерло, но уже через минуту пришло сообщение:

«Я сейчас занят. Перезвоню, как освобожусь, и мы поговорим. Вик, прости меня. Я психанул».

Вика перевела дыхание, чувствуя, как постепенно отпускает спазм в горле. Кажется, Лёша остыл. Наверное, он действительно занят. Иначе бы ответил. Взял бы трубку, даже если бы держал в руках горящий факел.

Девушка села на скамейку на детской площадке, что расположилась напротив многоэтажки, где жил Алексей. Она подождет. Заодно понаблюдает за молодыми мамочками и их малышами. Здесь есть на что посмотреть — можно отвлечься от грустных мыслей, утонуть в чужой беззаботной

жизни хотя бы на четверть часа.

Алексей требовательно, тяжелым взглядом исподлобья, смотрел на отца. Идея с женитьбой совершенно не пришлась ему по вкусу — она горчила сильнее полыни.

— Зачем ты ответил Лазареву за меня, папа? К чему его обнадеживать? — голос молодого человека звучал глухо, с плохо скрываемым бешенством.

— Лёша, а ты хорошо подумай, прежде чем пороть горячку, — отец откинулся в кресле, поигрывая массивной зажигалкой. — Анфиса — ведь очень красивая девушка. Разве нет?

— Красивая, — процедил Алексей сквозь зубы, словно признавая факт, не имеющий значения.

— Так что тебе еще нужно? Она хорошо воспитана и...

— И у меня уже есть девушка, папа, — перебил его сын, и в голосе проступила сталь.

— Какая, к черту, девушка, сын? — отец скривился, будто съел лимон. — Не та ли ветреная, с которой ты начал бегать пару месяцев назад? Зачем она тебе? Всё, что можно было получить, ты от нее уже получил. Поимел, что называется, вдоль и поперек. А Анфиса Лазарева — не такая, как эта твоя... девка.

— Папа, ты вызвал меня, чтобы лекции почитать? — Алексей выпрямился, и его плечи напряглись. — Я уже большой мальчик и сам разберусь: с кем встречаться, с кем ку-

вырваться и на ком жениться.

— Ни хрена ты не разберешься, молод еще, — отец ударил ладонью по столу. — Эта девица тебя пальцем поманила — ты и рад за ней хвостом бегать. Я навел справки о Ковалевой. Она с Темновым встречается. Да этот парень — Дмитрий Темнов — каждый вечер в доме Ковалевых обитает. И иногда уходит из их дома под утро. Если ты сомневаешься, я могу тебе это легко доказать. Я интересовался, сын. И не со вчерашнего дня.

Алексей отвел взгляд в сторону — резко, словно от пощечины. Он знал, что отец говорит правду, только не верил, что Вика всё это время была с Темновым. Не могла. Не имела права.

— Папа, это всё? — спросил он севшим голосом.

— Сядь! — рявкнул отец. — Ты женишься на Лазаревой. Так надо.

— Кому надо? Тебе или мне?

— Мне, — спокойно, но весомо ответил Игорь Леонидович. — Я ведь тебя растил, Лёша. Один. Всё для тебя делал. И такая вот твоя благодарность? Не можешь уважить родителя? Тем более, я тебя не на абы ком прошу жениться, а на приличной девушке, а не на... — он запнулся, не договорил. — Кроме того, Анфисе ты очень понравился. Она о тебе спрашивала. Сама.

Алексей сжал кулак так, что побелели костяшки, и едва сдерживал себя, чтобы не наругать родителю. В висках сту-

чала кровь.

— Лёша, у Лазарева со мной общий бизнес, — отец вдруг сбавил тон, заговорил вкрадчиво, почти по-змеиному. — Если Борис решит прекратить сотрудничество, я не потяну кредит, который брал еще год назад. Без вливания капиталов от Лазарева мы обанкротимся в ноль.

— С чего ты взял, что Борис Степанович переметнется к другому партнеру?

— Он предупредил, — отец поморщился, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. — И еще, Лёша, есть кое-что... — мужчина запнулся. Определенно не хотел рассказывать сыну то, что вертелось на языке, но не удержался. — Я десять лет занимался теневыми схемами с объектами недвижимости, Алексей.

— Что? — голос сына сорвался на шепот.

— Мошеннические схемы, — выдохнул отец. — На них я так здорово и взлетел. Поднялся из грязи в князи.

Алексей вперился взглядом в отца — тяжелым, прожигающим. Но тот спокойно выдержал осуждение. Выдержал, как умел — с каменным лицом.

— А поподробнее, папа, — попросил сын ледяным тоном.

— Проворачивал несколько схем со своими юристами, — отец заговорил буднично, словно читал лекцию. — В частности, мы предлагали объекты недвижимости по весьма бросовой, заманчивой цене. Продавец показывал документы, подтверждающие, что недвижимость в его собственности. А

дальше, когда покупатель соглашался, он вносил задаток, который по договору не возвращался, если он по какой-то причине откажется от покупки.

— И покупатель отказывался, а задаток вы оставляли себе? — Алексей прищурился.

— Да. Через время всплывали обстоятельства, о которых продавец «типа не сообщил», а покупатель сам виноват — не интересовался. Но из-за этих «обстоятельств» покупатель вынужден был отказаться. Я обеспечивал эти «обстоятельства», — отец усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Формально всё выглядело законно. У обеих сторон договор, и состав преступления в этой схеме рассмотреть почти невозможно. И это еще не всё, Лёша.

— Надеюсь, ты никого не убил? — с надеждой спросил Алексей, но в голосе отчаяние уже взяло верх.

— Нет, — коротко ответил отец, а потом добавил глухо: — Но... Еще моя фирма работала через липовые завещания, которые утверждал лично я как нотариус. Удостоверял документ задним числом. Без присутствия завещателя, конечно. С его подделанной подписью.

— В смысле — подделывал, папа? Зачем? — Алексей почувствовал, как пол уходит из-под ног.

— Из-за денег, сын. — отец пожал плечами. — Не каждый умерший оставляет после себя завещание. Таких вот умерших мои парни и находили. Не допускали, чтобы имущество переходило наследнику или дальнему родственнику. По по-

следней воле покойного имущество переходило на подставное лицо. Оспорить такое завещание крайне проблематично, почти невозможно. А еще, Лёша, я подделывал документы... на заказ.

Алексей смотрел на отца и просто не мог поверить в то, что слышал. Не хотел верить.

— А сейчас? — выдохнул он.

— Что — сейчас?

— Ты и сейчас этим занимаешься?

— Только проворачиваю схему с задатком, — отец скрестил руки на груди. — Иногда приходится заниматься подделкой документов. Я не могу отказать тем людям, которые ко мне за этим обращаются. Иначе они меня размажут. Таким — не отказывают.

— Папа, да что у тебя вообще в голове? — Алексей схватился за волосы. — Зачем всё это?

— Зачем? — отец вдруг встал и резко подошел к нему вплотную. — Чтобы ты учился в престижном университете. Ты ведь выучился за мой счет. И кучеряво жил тоже за мой счет. Я всё тебе дал и поставил на ноги. И теперь, сын, ты мне должен.

— Да я лучше бы в ПТУ учился, если бы знал, как именно ты меня обеспечивал! — выкрикнул Алексей, и в голосе его прозвучала такая боль, что отец на мгновение опешил.

— Это сейчас ты так говоришь, — Игорь Леонидович остыл так же внезапно, как и вспылil. — В любом случае,

Алеша, Лазарев раскопал все эти мои схемы. И я у него в руках по полной программе. Лазарев хочет, чтобы ты женился на его дочери. И ты женишься, Алексей, если не хочешь, чтобы твой отец отправился за решетку. И очень надолго. Может быть, навсегда.

Алексею совсем не понравилось то, что он услышал. Он смотрел, что называется, волком на отца. Не знал, как поступить. Отец для Алексея был всем: и мамой, и папой одновременно. И отвернуться вот так просто парень не мог. Но и на себя вешать семейный хомут против воли... Как так? За что?

— Папа, я... — начал он, но отец перебил.

— Прежде чем ты ответишь, я скажу тебе кое-что еще! — рявкнул Игорь Леонидович, и его лицо побледнело.

— Что? — выдохнул Алексей, уже готовясь ко всему самому худшему. Но к тому, что услышал, готов не был никак.

— За решетку могут отправить не только меня, Лёша. Но и тебя.

— Это как, прости? — Алексей отшатнулся. — Не понял. Я ничего криминального никогда не делал.

— Ты уже работаешь полгода в этом филиале, сын, — отец не сводил с него тяжелого взгляда. — Через тебя были пропущены две сделки. Одна из них — по поддельным мною документам.

Лицо Алексея сначала побледнело, а потом покраснело от бешенства. Он побагровел, как раскаленный металл.

— То есть ты сам влез по самое горло в дерьмо и меня следом потащил? Не спросил? Не предупредил?

— Мы ведь работаем вместе, — отец пожал плечами. — Ты — мой сын. Родная кровь. — Он сказал это таким тоном, словно фраза «родная кровь» объясняла абсолютно всё на свете.

— Больше с тобой я не работаю, — выплюнул Алексей резко, как выстрел.

— Что? — отец опешил.

— Я не буду больше работать ни в этом филиале, ни где-то еще, что имеет отношение к тебе, — отрезал сын.

— Как интересно. И кем же ты будешь работать? Дворником? Разнорабочим? Грузчиком на рынке?

— У меня есть юридическое образование, — напомнил Алексей сквозь зубы.

— Которое я тебе дал, — парировал отец.

— Да, — Алексей не стал спорить. — Но это не дает тебе права... Ладно. Не важно.

— Леша, не дури. Оставим всё как есть, — отец сменил гнев на милость, голос его стал почти ласковым. — Никто ничего не узнает. Лазарев не станет обо всем этом распространяться, если ты станешь его зятем. В чем вообще проблема?

— В чем? — Алексей горько усмехнулся. — Ты серьезно не понимаешь? Неужели?

— Анфиса очень красивая, — отец снова перешел на спо-

койный, рассудительный тон. — Молодая. Какие проблемы? Женись на ней. Если она тебе уж так приестся, тихо заведи любовницу или любовниц. Да хоть с Викторией этой своей мути за спиной жены. Будешь действовать умно — Анфиса ничего не узнает. И все будут довольны, Лёша. Все до единого.

— Я так не могу жить, — Алексей покачал головой, чувствуя, как внутри поднимается тошнота. — И не собираюсь заводить любовниц, папа.

— Не заводи. Живи с женой, — отец сделал вид, что не понял.

— С женой, которую я сам себе выберу! — почти выкрикнул Алексей.

— Не в этом случае, Лёша, — отрезал отец. — Не в этом.

— Мне нужно подумать, — устало сказал сын. — Но работать я с тобой больше не буду. Завтра на работу меня не жди. Не приду.

— Ты совсем очумел? — Игорь Леонидович повысил голос. — Думаешь, получая свои тридцать тысяч в месяц, ты будешь нужен своей девке? Да Виктория сбежит от такого неудачника сразу же, как только узнает твою зарплату. Женщины любят перспективных мужчин. С деньгами. С положением.

Алексей усмехнулся, а потом посмотрел в пол. В голове возникла одна мысль — неожиданная, дикая, но вполне себе рабочая.

— А знаешь что, папа? — сказал он, поднимая глаза. — Спасибо тебе за подкинутую идею. Говоришь, значит, что неудачники никому не нужны? Интересно, будут ли такие нужны Анфисе? И ее папаше?

— Ты что такое удумал, Алексей? — Сомов-старший прищурился, зло посмотрев на сына. Он знал своего сына: горячий, резкий, импульсивный. Он мог натворить много чего. И не подумать о последствиях.

— Мне нужно поговорить с самой Анфисой, папа, — парень уже направился к двери. — И срочно. А насчет работы я не шутил.

— Лёш, ты не можешь вот так уйти, — отец сделал шаг за ним. — Неужели позволишь Лазареву упечь меня за решетку? Он и тебя туда потащит, сын! Ты понимаешь это или нет?

— Папа, я ничего не понимаю. А когда я чего-то не понимаю — не спешу с выводами, — Алексей уже взялся за ручку двери. — Я должен поговорить с Лазаревым и его дочерью. Хочу понять, зачем я им так сдался в роли зятя и мужа. Возможно, я посоветую им рассмотреть более перспективный вариант. Чем я — тот, кто будет работать за тридцать тысяч.

Игорь Леонидович проводил сына мрачным, тяжелым взглядом. Был уверен, что Лёша подумает и сделает то, что должен сделать. Иного не дано.

Алексей выскочил на улицу и первым делом выхватил из кармана телефон — пальцы дрожали. Разговор с отцом, как

самая гнусная пластинка, всё время прокручивался в голове, заедал на одних и тех же местах.

Оказывается, его отец не просто не чист на руку — он по самую глотку увяз в дерьме. По уши. А сам Алексей, наивный дурак, ничего не знал. Верил отцу, как ребенку. Позволил и себя втянуть в эту грязь, как слепого котенка.

Парень яростно лупанул ногой по колесу своей машины, так что сигналка жалобно взвыла. Проклял уже всё на свете — особенно то, что не проверил бумаги, которые ему подсунули при сделке с недвижимостью. Верил отцу.

Полагал, что там всё чисто, как слеза младенца. Оказывается, верить нельзя никому. Вообще никому. Если даже родной человек способен подставить и втянуть в уголовщину без спроса, то что уж говорить о каких-то девицах или друзьях?

Сегодня вера в людей внутри Алексея треснула, как тонкий лед под ногами. И трещина пошла вглубь.

Он позвонил Анфисе — номер пробил через коллегу по работе, по знакомству. У отца спрашивать не стал: вряд ли бы тот дал его в такой ситуации, да и просить у него о чем-либо теперь было выше сил.

Анфиса обрадовалась его звонку — это было слышно даже через динамик. Ее голос потеплел, заструился медом.

— Хорошо, — сказала она. — Давай встретимся у тебя дома. — И добавила с легкой капризной ноткой.

— Может, где-то на нейтральной территории? В кафе? В

парке? — спросил Алексей, хотя уже знал ответ.

— Или на твоей территории, или встречи не будет, — отрезала Анфиса тоном, не терпящим возражений.

Алексей не понял, почему она так настаивает именно на таком формате. Но ему уже было всё равно — какая разница, где тонуть? Главное — увидеться и обсудить, что за дела творятся. Для начала с ней. Мало ли, а вдруг она сама не хочет за него замуж так же сильно, как он на ней жениться.

— Хорошо. Я назову адрес и...

— Нет, — перебила его Анфиса, и в голосе прозвучала сталь. — Заедь за мной. Я сейчас в городе, у кафе «Сплит». Отсюда уже поедem к тебе. Вдвоем.

— Ладно, — нехотя согласился Алексей, чувствуя себя загнанным в угол.

Виктория уже почти два часа просидела на лавочке напротив дома Алексея. Парень так и не пришел. Не позвонил. Экран телефона молчал, и это молчание давило на грудь тяжелым камнем. Вика верила, что любимый занят — по-настоящему, а не просто отмазывается.

Прежде ведь Алексей ее никогда не обманывал. Всегда такой прямой, резкий, дерзкий — и, как Вике казалось, абсолютно искренний.

Она встала и медленно направилась в сторону такси, которое стояло у торца дома этого элитного района. Но не дошла. Остановилась как вкопанная. Посмотрела в сторону подъез-

да, в котором жил Алёша. Узнала его машину — серебристый внедорожник, который она столько раз гладила рукой.

Она уже хотела сделать шаг навстречу — броситься, обнять, уткнуться в плечо — но замерла. Из машины вышла девушка. Блондинка. Высокая, стройная, ухоженная — как с обложки глянца.

А после эта незнакомка собственническим жестом вцепилась в локоть Алексея, прижалась к нему, как кошка. Девушка была красивой. Ослепительно красивой. Той холодной красотой, от которой у простых смертных перехватывает дыхание.

Парочка направилась в подъезд, не оглядываясь.

— Лёша! — вырвалось у Вики раньше, чем она успела подумать. Она не собиралась стоять в стороне и быть простым наблюдателем, бессловесной статисткой в чужой сцене. — Лёша!

Алексей услышал. Остановился. Обернулся. Увидел Викторию — бледную, растерянную, с дрожащими губами. Девушка встала напротив него и внимательно, долгим взглядом посмотрела на руку незнакомки, которая, словно пиявка, впиалась в локоть парня.

— Вика, а... — он запнулся, сглотнул. — А что ты здесь делаешь?

— Тебя жду, — ответила она тихо, но твердо.

— Я же... — Алексей перевел дыхание, и она увидела, как дернулся его кадык. Понимал неловкость ситуации, но что-

либо изменить уже не мог. — Должен был тебе перезвонить.

— Но не перезвонил, — фыркнула она в ответ, но в этом фырканье слышалась боль, а не злость.

— Лёш, идем, нам нужно поговорить, — дернула за руку Алексея Анфиса — нетерпеливо, капризно, как нашкодившая кошка.

— Лёш, а... — Виктория не успела договорить. Слова внезапно оборвались, когда она услышала голос незнакомой девушки. Той самой — очень красивой и очень уверенной в себе.

— Девушка, нам сейчас не до вас, — бросила Анфиса даже не взглянув на Вику. — Лёш, идем.

— Лёша, кто она? — тихо, почти шепотом спросила Виктория, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я его невеста, девушка, — ответила Анфиса вместо Алексея, и в ее голосе зазвучал лед. — А вот кто ты такая — вопрос.

Алексею в этот момент хотелось подойти к ближайшей стене и начать биться головой об эту самую стену — методично, с чувством, до первого просветления. Кажется, объясняться ему придется теперь не только с Анфисой, ее отцом, своим отцом, но и с Викторией. И черт его знает, с кем еще.

И каждый из них будет ждать от него чего-то своего. Только вот что делать, когда ты ничего не можешь им дать — ни правды, ни выбора, ни даже внятного ответа?

Вика была готова услышать всё, что угодно, — только не такое.

— Невеста? — переспросила она, переводя ошеломлённый взгляд с незнакомки на Алексея. Голос дрогнул, выдавая глухую тревогу, которая уже начала пускать корни где-то в солнечном сплетении.

— Вика, если бы у меня была невеста, я бы тебе об этом сказал. А это... — Парень посмотрел на нахалку, которая продолжала цепляться за него руками, будто клешнями. Грубо разжимать её пальцы он не стал — не хватало ещё повредить ей конечности. — Это дочь делового партнёра моего отца. Нам с ней нужно кое-что обсудить. А после мы с тобой поговорим, хорошо?

— Когда поговорим? — В голосе Вики прозвучала не требовательная нотка, а скорее растерянная мольба: ей отчаянно хотелось верить, но картина у подъезда врезалась в память слишком ярко.

— Я не думаю, что разговор с Анфисой отнимет у меня много времени. Езжай домой, Вика. Я тебе позвоню.

Виктория посмотрела в глаза парню — пристально, по-настоящему, пытаясь разглядеть там ту самую страшную правду, которой так боялась. Она видела взгляд Алексея. Её мужчина не смотрел на эту Анфису влюблённым взглядом. Ско-

рее наоборот — с отвращением, едва сдерживаемым, но от того не менее острым.

И это при том, что Анфиса была очень красивой девушкой — холёной, ухоженной, с той породистой внешностью, перед которой обычно пасуют обычные девушки вроде Вики. Зато Вика видела, как Лёша смотрел на неё — тепло, виновато, с какой-то отчаянной надеждой на понимание. И такая его реакция дала ей особую почву для размышлений.

Вика молчала. Она посмотрела на руку Анфисы с длинными, безупречно накрашенными ногтями, которыми та вцепилась в парня и не отпускала. Алексей выглядел растерянным, даже потерянным — таким она его ещё никогда не видела.

Вика понимала, что, находясь в таком взвинченном состоянии, мужчина точно не будет вести девушку к себе домой днём, чтобы уложить её в постель. Ещё и ту, на которую смотрит без единой искры желания в глазах.

Поспешных выводов Виктория никогда не делала. Не будет их делать и сейчас. Анфиса сказала, что Алексей — её жених. Лёша же этот факт отрицает. Верить незнакомой кукле Вика не будет — у неё просто нет причин доверять той, кто смотрит на неё хищным взглядом, явно видя в Виктории соперницу.

У Алексея что-то случилось. Что-то серьёзное. Вика решила в данный момент не вмешиваться. Истерики закатывать уж точно не станет — это не про неё. Да и зачем так уни-

жаться перед этой холёной красавицей, показывая свою слабость?

— Хорошо. Я буду ждать от тебя объяснений... после, — Вика медленно отошла от парочки, не зная, куда ей идти: ждать, когда девушка покинет квартиру парня, или отправляться домой и ждать звонка от Алексея там?

Она вернулась к той самой скамейке на детской площадке — единственному месту, где чувствовала себя хоть сколько-нибудь спокойно. Интересно, как долго эта Анфиса пробудет в квартире Алексея? И что вообще происходит? Сердце колотилось где-то у горла, но разум упрямо держал оборону: не паниковать, не накручивать, дождаться.

Алексей не хотел оставлять Вику на улице — её растерянное лицо и дрожащие губы врезались в память раскалённым клеймом. Но ему необходимо переговорить с Анфисой. Девчонку эту он совершенно не знал — она свалилась на голову, как снег посреди июля.

Анфиса сказала, что будет беседовать с Алексеем только на его территории. Где находится его территория — ей откуда-то известно. Алексей подозревал, что этой девчонке, о которой он сам ничего не знает, известно очень многое о нём самом. И это знание холодило спину.

Им нужно поговорить. Раз она хочет говорить у него — значит, так и будет. Возражать ей, а после слушать истерики, отказы и бегать за ней, чтобы назначить новую встречу, он не

хотел. Проблему требовалось решить здесь и сейчас, какой бы мерзкой она ни оказалась.

— Проходи, — он распахнул дверь квартиры, пропуская девушку вперёд. Жест вышел резче, чем планировалось — пальцы побелели на ручке.

— Миленько, — ележно пропела Анфиса, двинувшись вперёд по коридору с таким видом, будто уже была здесь хозяйкой.

— В моём доме принято снимать уличную обувь, Анфиса, даже такую брендовую, как у тебя.

В глазах девушки отразилось неподдельное удивление — похоже, к ней ещё никто не обращался с подобными требованиями.

— Зачем это? Разве у тебя нет домработницы?

— Обувь сними, — процедил сквозь зубы. Голос звучал тихо, но в этой тишине чувствовалась такая сила, что даже стены, казалось, притихли.

— Может, ты мне поможешь снять туфельки? — Анфиса грациозно села на стул и вытянула перед парнем свои длинные, безупречные ноги. В этом жесте было что-то откровенно вызывающее, почти пошрое.

— А я не нанимался к тебе в горничные.

— А ты всегда такой грубиян?

— Да. Я такой вот грубиян. А ещё несдержанный, импульсивный, до чёртиков ревнивый и психованный. — Он усмехнулся собственной прямооте, но в усмешке этой не было и на-

мёка на шутку.

Она надула губы — надуту, капризну, по-детски, хотя в глазах уже загорался холодный расчёт. Ничего не ответила. Заинтересованным взглядом мазнула по парню, а после всё же сняла обувь, демонстративно медленно, будто оказывая ему огромное одолжение.

— Мне только обувь снять? Может, тебе ещё что-то мешает из того, что на мне надето? Я могу вообще всё снять! — В её голосе прозвучала откровенная провокация, смешанная с желанием проверить, насколько далеко можно зайти.

Парень смотрел на неё и не мог понять: она серьёзно или это такая извращённая форма проверки на прочность?

— М-да! Ты вообще в адеквате, Анфиса? Я тебя не знаю. Ты не знаешь меня. Или у тебя в норме — вот так общаться с мужчинами по квартирам или домам, в которые ты шатаешься? Или ты подработкой занимаешься? — Он специально ударил побольнее — хотелось вывести её из себя, заставить сбросить эту маску слащавой любезности.

— А ты действительно грубиян, Алёша, — она прошла в комнату, осматриваясь по сторонам с видом ревизора, — а у тебя здесь миленько, аккуратно, чисто. Хорошая трёшка. Явно ведь не сам убираешься, а говоришь, что домработницы нет.

— Я не сказал, что её у меня нет. Ты правда хочешь обсудить со мной проблему уборки этой квартиры?

— Я хочу обсудить с тобой нашу предстоящую свадьбу,

Алёша.

— С-свадьбу! — Алексею захотелось придушить эту девицу. Она больная? Полная неадекватка? Или у неё просто диагноз, который психиатры лечат в закрытых учреждениях?

— Конечно. Твой папа тебе ведь всё объяснил? — Она улыбнулась — сладкой, ядовитой улыбкой, от которой захотелось вымыть руки.

— Да. Поэтому я и позвонил тебе. К чему нам эта свадьба, навязанная нашими отцами, а?

— А ты против?

— Да. А ты?

— Я вовсе не против. Ты приглянулся мне уже давно. Только почему-то не замечал меня ни на одном из вечеров. Лишь сухо здоровался и после даже имени вспомнить не мог. — Она театрально вздохнула. — Обидно и неприятно, скажу я тебе. Лёш, я ведь действительно хочу, чтобы ты стал моим мужем. Мне никто, кроме тебя, не нужен.

Алексей сел на диван и мрачно посмотрел на девчонку — теперь до него начало доходить. Медленно, тяжело, будто кирпичи укладывались один на другой.

— То есть ты попросила своего отца, чтобы он устроил тебе эту свадьбу? Девочка захотела себе мужа — и папа не отказал?

— Ну-уу, да. А что? Папа мне никогда ни в чём не отказывает. Кроме того, наш с тобой союз выгоден для обеих

наших семей. Отец получит надёжного союзника, а я — желанного мужа. Что не так, Лёша? Я ведь точно знаю, что не могу тебе не нравиться. Да на мне любой мужчина жениться готов. А я выбрала тебя. — Она сказала это так, словно оказала ему невероятную честь. Принцесса сделала свой выбор и ждёт, что он от счастья до потолка запрыгает от того, что стал именно тем везунчиком.

Алексей сцепил челюсти до хруста.

— Но только не я, Анфиса. Вот иди и найди себе любого другого.

— Это из-за той пресной серой мыши, которую мы встретили у подъезда? Серьёзно? Такие вот невзрачные и жуткие девочки — в твоём вкусе? — В её голосе зазвучало такое презрение, что Алексея передёрнуло.

— Что ты хочешь за то, чтобы отказаться от этого брака и убедить своего отца не лезть ни ко мне, ни к моему отцу?

— Лёша, свадьба будет.

— На черта тебе муж, который тебя не любит? Ты мазохистка или как? — Алексей пытался понять логику этой молодой девушки. Но не понимал. На его взгляд, здесь отсутствовала любая логика. Да что вообще у неё в белокурой башке: верёвка между ушами вместо мозга?

— В общем так, Алёша, — её голосок мгновенно изменился, стал низким, металлическим, а взгляд из милого и нежного превратился в сверкающий, как у хищной волчицы перед прыжком. — Мне не интересны все эти твои «бла-бла-

бла». Или ты на мне женишься, или твой отец отправится за решётку. И ты, между прочим, со временем к нему присоединишься. Так что не думай, что сможешь спокойно жить со своей мышью, пока твой отец будет сидеть за решёткой, а ваш бизнес — разрушаться. И да, когда женишься на мне, будешь вести себя со мной хорошо. Будешь образцовым мужем, Алексей. Если нет...

— А ты всю жизнь собралась меня шантажировать? И тому, что в штанах у меня находится, тоже шантажом будешь приказывать улаживать тебя? Вряд ли поможет.

— Уверена, что ты очень быстро освоишься и поймёшь, как тебе повезло жениться на такой, как я. Так что, — она расселась в кресле, закидывая ногу на ногу, — когда назначим дату свадьбы? Мне ведь подготовиться надо. Да и тебе... Месяца два нам на подготовку вполне хватит. Согласен?

Алексей молчал. Внутри всё кипело и бурлило от бешенства — такая ярость поднималась из самых глубин, что он едва контролировал себя, чтобы не совершить непоправимое. В жизни не испытывал такой звериной злобы, как в данный момент. Если раньше он считал, что его персональная «красная тряпка» — это Дима Темнов, то сейчас понял, как глубоко заблуждался.

— Как хорошо, что ты всё понял, жених. Правильно, не возражай. Ты ведь неглупый парень. Всё понимаешь, — она поднялась с кресла, прошла вокруг Алексея медленной, хищной походкой и встала напротив него, глядя сверху вниз

с победной усмешкой.

Алексей смотрел на эту змеюку и просто не понимал, как реагировать. Она ведь девушка! Хотя и ведёт себя как мужик — грубо, напористо, без тени стеснения. Бить её по физиономии или опускаться до матерных слов нельзя — воспитание не позволяло, да и какой смысл?

С другой стороны, какая она девушка? Медуза Горгона, не иначе. Одного её взгляда и мерзких слов достаточно, чтобы он замер перед ней, как то каменное изваяние.

Что ей отвечать? У Алексея было слишком мало опыта, чтобы мгновенно подобрать слова и поставить нахалку на место. Он осторожничал. Да и не понимал, что она может сделать, если он её сейчас открыто пошлёт.

Если её отец и впрямь сдаст после его отца? Он совершенно не знает девушку и всю её семейку — где у них слабые места, где брешь в этой стальной с виду броне?

Нельзя пороть горячку. Нельзя допустить, чтобы пострадал отец. Как ни крути, но Алексей слишком многим обязан отцу — всем, что у него есть, всем, кем он стал.

Сейчас он думал именно так, сжимая кулаки до белых костяшек. Истинное понимание придёт гораздо позже — когда боль утихнет и страх перестанет застилать глаза.

Парню нужно подумать. Обдумать ситуацию. Тщательно, со всех сторон. Послать нахалку он ещё успеет. Кажется, девочка хочет с ним поиграть. Но в эту игру ведь пока что —

хотя бы временно — можно играть и вдвоём.

— Ладно. Два месяца. А сейчас уходи, — процедил сквозь зубы Алексей, чувствуя, как каждое слово даётся с трудом, будто сквозь рваную рану.

На её лице появилась самодовольная улыбка — та самая, от которой хочется стереть её начисто. В этот момент эта утончённая красотка смахивала на властного мужика, который додавил жертву, получив желаемое сполна.

Алексей чувствовал себя раздавленным, униженным. Словно ниже плинтуса опустили и размазали — тщательно, с особым цинизмом. Какая-то девчонка его разнесла и прогнула, а он и не знает, как поступить, в какую сторону бежать.

— Ты принял верное решение, Алёша, — она подошла к нему, обняла лицо ладонями — мягкими, прохладными — и потянулась, чтобы поцеловать. Парень её оттолкнул, резко, с отвращением.

— Ты вообще совести не имеешь? — рявкнул он, и голос сорвался на хрип.

— А совесть в наше время — жуткий недостаток, парниша, который мешает полноценно жить и дышать полной грудью. И у меня этого недостатка нет. И у тебя не будет. — Она произнесла это с такой лёгкостью, будто речь шла о чём-то незначительном — о смене причёски или покупке новой сумочки.

— Вон пошла.

— Не груби мне, Алёша. Иначе я не буду с тобой такой

понятливой. Я озвучила тебе условия. Ты их принял. Будешь дерзить — не потерплю. Отправляю тебя, женишок, в места не столь отдалённые, где ты сможешь хорошенько подумать над своим поведением. — Её голос стал ледяным, в нём не осталось и следа от прежней слащавости.

Алексей сатанел от ярости. Как можно быть такой мерзкой швалью в столь юном возрасте? Наверное, он действительно чего-то серьёзно не догоняет в жизни. Но и представить себе не мог, что особа женского пола вообще способна вести себя ВОТ ТАК — расчётливо, жестоко, без капли сомнения.

— Уходи.

— Уйду. Но в первый и последний раз ты разговариваешь со мной таким тоном. Делаю скидку на твоё потрясение от собственного счастья. Понимаю, ты ведь и мечтать не мог стать женихом Анфисы Лазаревой, — она направилась в коридор, надевая туфельки — неторопливо, с чувством собственного достоинства. — Оставлю тебя одного, чтобы ты полностью осознал свою удачу.

Каждое её слово лупило наотмашь, будто битой. Теперь Алексей уже на полном серьёзе задумался над тем, что у девушки просто не всё в порядке с головой. Возможно, страдает какими-то психическими отклонениями — других объяснений её поведению он просто не находил. Он обязательно наведёт о ней справки. Обязательно.

Анфиса подошла к дверям и хищно посмотрела на парня

через плечо — взглядом, который обещал ещё много «приятных» сюрпризов.

— Надеюсь, у тебя хватит ума не видеться больше с той серой мышью, которую мы встретили у подъезда? Мой жених потаскуном не будет.

— Слушай, может, тебе купить цепь и посадить меня на неё? Ты себе хочешь не мужа, Анфиса, а ручного пса. Цацку с инструментом между ног, который бы удовлетворял тебя и тешил твоё самолюбие, — выплюнул он ей в лицо, уже не сдерживаясь.

— Я тебя хочу, Алексей. Уже пару лет как хочу. И не думай, что только мужчины умеют получать желаемое. Женщины — тоже. — Она усмехнулась — той самой усмешкой, которая говорила: «Ты ещё не знаешь, на что я способна».

Анфиса вышла, закрыв дверь с обратной стороны — щелчок замка прозвучал, как приговор. Алексей подошёл к балкону, наблюдая в окно. Она вышла на улицу, села в машину, которая ехала за ними от самого кафе, где они встретились.

Кто бы сомневался: «Горгона» — а именно такую ассоциацию вызывала у парня Анфиса — без охраны не ездит. Неудивительно: отделить ей голову от плеч желающих наверняка немало.

Девушка уехала, сверкнув на прощание ксеноном фар. Но парню не понравился мужчина, который остался крутиться во дворе — неприметный, в тёмной куртке, с каменно-равнодушным лицом. Прежде Алексей его здесь не видел.

Виктория всё ещё сидела на детской площадке — одинокая фигурка на фоне серых панельных домов. Алексей знал: Вика видела Анфису, выходящую из подъезда. Видела и, наверное, уже надумала себе невесть что. Сердце кольнуло болью.

Он впрыгнул в кроссовки, на ходу завязывая шнурки, и быстрым шагом направился к Вике.

— Вик, давай пройдемся, — сразу произнёс, приблизившись к девушке. Голос звучал глухо, напряжённо — не тот тон, каким разговаривают после счастливого свидания.

Вика ошеломлённо заморгала. И это его первое слово ей после всего? Просто «давай пройдемся»? Словно ничего не произошло! Словно не он шёл с другой под ручку и не приводил её в свою квартиру.

Алексей понимал, о чём думает любимая — он видел это по её глазам, по тому, как она кусала губу, сдерживая вопросы. Но ему важно было проверить, увяжется ли за ними странный мужчина, шатающийся недалеко от подъезда, если они с Викой выйдут за пределы двора.

Он переживал о Виктории — неизвестно, что предпримет против его любимой «Горгона», если увидит в ней серьёзное препятствие для получения желаемого.

— Лёша...

— Вик, я прошу тебя, не спорь. Просто пойдём. Я тебе всё расскажу. Обещаю. — Он взял её за руку — крепко, почти болезненно, словно боялся, что она исчезнет, растворится в

воздухе, если он ослабит хватку.

Вика внимательно посмотрела на парня. Он был бледен и растерян гораздо сильнее, чем тогда, когда она встретила его у подъезда. Под глазами залегли тени, губы сжаты в тонкую линию. Таким она его ещё не видела — испуганным, загнанным в угол.

— Хорошо, Лёша. Пошли. Но я уже устала тут сидеть. Пить хочу. Есть хочу. И в... в туалет хочу. Я так давно тебя жду. — В её голосе прорвалась накопившаяся усталость и обида, которую она так старательно прятала.

— Давай в ресторан сходим? Отдохнёшь. ВИП-место закажем, чтобы побыть наедине и нам никто не помешал общаться, — он виновато посмотрел на неё — долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалось: «Прости меня, я сам не свой».

— Что? — Вика решила, что перегрелась на солнце. Как-то не так у них начинается разговор после того, что произошло за сегодняшний день. Вместо объяснений — прогулки и рестораны?

— Только сначала немного пройдемся пешком. Просто пройдемся минут пятнадцать, а после вернемся к моей машине.

— Я не понимаю тебя совсем. Зачем? — Она попыталась высвободить руку, но он не отпустил.

— Вик...

Она вздохнула — глубоко, шумно, как перед прыжком в

воду.

— Хорошо. — Она и так столько его уже ждала. Пройтись — не проблема. Главное, чтобы парень наконец объяснился, чтобы этот тяжёлый камень непонимания сдвинулся с места. — Веди.

Алексей взял девушку за руку — тонкую, с холодными от утреннего воздуха пальцами, — и понял: нужно подобрать правильные слова. Но как объяснить ей то, чего он сам у себя в голове, в этом вязком, липком тумане, устаканить не мог?

— Лёш, нам нужно поговорить, — произнесла Вика первой, и её голос прозвучал тихо, но твёрдо, словно она уже всё решила за них обоих.

— Нужно, Вика. Прости меня. Я утром повёл себя неправильно... Но, увидев Димку — почти обнажённого, вместе с тобой, наедине, — у меня пелена встала перед глазами. — Он решил начать с извинений, потому что знал: был неправ, и эта неправота жгла его изнутри.

— Я так и поняла. Ты психанул. Поэтому обзавёлся невестой? — В её голосе, как лезвие, скользнул сарказм, но под ним отчётливо слышалась боль.

— Нет у меня невесты, моя хорошая. Даже не думай.

— У меня к тебе много вопросов, Лёша. Но сначала я хочу закрыть тему с Димой: он пришёл вечером к моему отцу. Они поговорили, и Дима остался ночевать в доме. Я даже не знала, что он спит в гостевой. Утром его появление стало для меня таким же сюрпризом, как и для тебя. — Она говорила отрывисто, чеканя каждое слово, доказывая свою правоту не столько ему, сколько себе самой.

— Я верю тебе, Вика. Прости меня, дурака ревнивого. — Алексей сжал её пальцы крепче. — Дима ведь любит тебя. И папа твой хочет видеть его зятем. Это... это меня просто бесит, до зубовного скрежета.

— Какая разница, кто и что думает, Лёш? Я ведь именно тебя люблю. Тебя. Слышишь?

— А я люблю тебя, Вика. Сильнее, чем ты можешь себе представить.

Они дошли до конца двора, где старые тополя роняли листву под ноги. Алексей старался украдкой осматриваться по сторонам, наблюдая за тем странным мужчиной в серой куртке. Он не ошибся: тот держался на расстоянии, но явно следил за парочкой — это чувствовалось кожей, затылком, каждой нервной клеткой.

— Любишь? Тогда кто та девушка? — Вика остановилась, заглядывая ему в глаза с требовательной нежностью.

— Идём к машине. Приедем в ресторан — и я тебе всё расскажу, милая. Всё, без утайки. Обещаю.

— Хорошо, Лёш. Идём.

До ресторана доехали быстро, под шуршание шин по асфальту. К облегчению Алексея, он не заметил, чтобы за машиной увязался «хвост». Впрочем, возможно, тот и увязался, просто парень мог его и не увидеть — опыта в таких делах у него не было, от слова «совсем». А у Анфисы, судя по всему, в подчинении находились серьёзные ребята, профессионалы, умеющие выполнять свою работу тихо, незаметно,

как тени.

Вика прошла в VIP-кабинку, села за стол и сразу же сделала заказ — голос звучал ровно, но руки слегка дрожали. После она удалилась в уборную, оставив Алексея одного. Он ждал девушку, пребывая в жутком, выматывающем напряжении. Вика всегда была понятливой и вдумчивой. Его девочка не склонна к истерикам — она обязательно сможет выслушать и понять. Он верил в это, как в молитву.

Себе парень ничего не заказывал. Аппетита не было совершенно — в горле стоял ком, который невозможно было проглотить.

— Лёш, рассказывай, — произнесла девушка, возвращаясь за стол. Тёплый суп и тушёный кусочек куриной грудки с салатом пахли потрясающе, вызывая у Вики острое, почти животное желание всё попробовать. Вика сама себе поражалась: почему у неё не пропал аппетит? Хотя... она знала причину. Она верила, что Алексей её любит, и была уверена: та девушка у подъезда — всего лишь недоразумение, злая шутка, которую можно распутать.

— Всё так сложно, Вика... даже не знаю, как и начать, — выдохнул он, чувствуя, как пересыхает в горле.

— Начни уж как-то. Та девушка, которая назвалась твоей невестой... кто она тебе? И почему так прилипла к тебе?

Алексей набрал побольше воздуха в лёгкие, словно перед прыжком в ледяную воду, и медленно, мучительно медленно рассказал Вике о визите к отцу, а потом — о том, как отец

попросил его жениться на Анфисе.

Слушая Алексея, Вика поняла: аппетит у неё пропадает, тает, как прошлогодний снег. Хорошо, что хоть что-то успела съесть — иначе точно осталась бы голодной. Потому что сейчас кусок в горло не лез, застревая где-то у самой глотки.

Особенно когда Алексей стал рассказывать, что происходило в квартире между ним и Анфисой. Виктории поверить было сложно: молодая девушка способна так борзо себя вести, так нагло говорить такие вещи — словно мир вертелся только вокруг неё.

Алексей ничего не скрыл. Рассказал абсолютно всё, до последней, самой гадкой детали. Почему-то он верил: Вика не станет о таком болтать на каждом углу. А держать в себе это «болото», эту липкую, душную грязь — он больше не мог, задыхался.

Он видел, как потрясена Виктория. Впрочем, сам был потрясён не меньше её.

— Вика... — он сжал её тонкие, прохладные пальцы своими, горячими. — Я не знаю, как поступить. Я рассказал тебе всё. Моего отца эти Лазаревы прижали к стенке. И меня вместе с ним. Если я откажу Лазаревым, они не только отца посадят, но и меня.

Слушая парня, Вика испытывала самые разные эмоции — от ледяного ужаса до обжигающей жалости. Но Алексею она верила. Он выглядел искренним, потерянным, раздавленным. Да и не врал он ей никогда прежде.

В жизни Вика не видела Алексея настолько растерянным, расстроенным, абсолютно не понимающим, что ему делать, как быть, как поступить правильно. Его боль отдавалась в груди девушки острой, ноющей занозой. Но Вика верила в одно: как бы там ни было, нельзя предавать себя самого. Никогда.

— Лёш, моя мама — юрист. Надо поговорить с ней. Может быть, она сможет помочь.

— Шутишь? Да Яна Олеговна вовсе не в восторге, что ты встречаешься со мной. Она будет только рада, что я попал в такую ситуацию. — Его голос сорвался на горечь.

— Не говори так о моей маме. Она никогда не станет радоваться чужой беде.

— Но и помогать она мне не будет. Это же ясно, как день.

— Но мне — будет, Лёша. Я ведь её дочь, и мама меня любит. По-настоящему.

— Я даже не знаю... Если всё то, что я тебе рассказал, выплывет на поверхность и станет достоянием общественности... отца посадят, Вика. Надолго. Может быть, навсегда.

— Лёш. — Она отложила вилку в сторону и серьёзно, почти сурово посмотрела на парня. — Я считаю: каждый человек должен отвечать за свои поступки. Когда твой отец ввязывался в криминал, он разве не знал, что совершает преступление? Знал, Алёша. И всё равно делал. Я понимаю, он твой отец, и ты его любишь... но он не имеет права требовать, чтобы ты губил свою собственную жизнь.

— Вика, он мой отец. — В его голосе зазвучала глухая, древняя боль.

— Я в курсе.

— Я не могу его подставить.

— Лёша, лучшее, что может сделать твой отец сейчас, — это не вестись на шантаж. Остановиться. Собрать волю в кулак.

— Тогда Лазарев его сдаст. Моментально. Как только я скажу «нет».

— Мы найдём твоему отцу адвоката. Хорошего. Лучшего, какого сможем.

— И мне заодно найдёшь, да? — усмехнулся он криво, безрадостно.

— Лёша, ты же не виноват. Уверена, в суде этот факт можно будет доказать. Тебя отпустят. Выход обязательно должен быть, понимаешь? Его просто нужно искать, а не сидеть и ждать, когда удавка затянется.

— То есть, ты предлагаешь мне... посадить отца за решётку? Своими руками?

— Я предлагаю тебе не вестись на шантаж и не губить свою жизнь. — Вика подала вперёд, её глаза горели. — Мы ведь с тобой любим друг друга. Неужели ты и правда женишься на этой... белобрысой гадине, Лёша?

— Я не знаю, что делать, Вика. Я не хочу на ней жениться. Но и не могу допустить, чтобы отца посадили. У него слабое здоровье — ты же знаешь. Он там... загнётся. За решёткой.

А я себе этого никогда не смогу простить. Никогда. У меня никого нет, кроме него и тебя. А ещё... я стольким обязан отцу. Неблагодарной скотиной быть не могу, это выше меня.

— Лёша, отец тебя подставил. Сейчас он использует твою любовь к нему — и вертит тобой, как хочет. Ты женишься, а он и дальше будет продолжать мараться в криминале. Сколько верёвочке ни виться... конец ведь всё равно будет. Рано или поздно он попадётся. И твоя женитьба на Анфисе — всего лишь отсрочит этот момент, не больше. Кроме того, Лазаревы будут и дальше шантажировать и тебя, и твоего отца. До бесконечности.

— Вика... — выдохнул он, мотнув головой, словно отгонял наваждение.

— Лёша, — она сжала его руку с неожиданной силой и выразительно посмотрела в потухшие, пустые глаза любимого. — Неужели ты будешь прогибаться под эту высокомерную девку с властными замашками криминального авторитета? Неужели сдашься?

Алексею было сложно здраво мыслить в этой ситуации. Сначала отец «обрадовал» его новостями, а после — Анфиса. Сейчас он не мог сразу сообразить, что ответить Вике. Девушка она спокойная, рассудительная, но при этом строгая и гордая — как натянутая струна. Она ждёт от него мгновенного решения, но он так не может, не умеет, не готов.

— Вик, речь ведь идёт о моём папе. Какой бы он ни был, он — мой отец. И я его люблю. Он вырастил меня. Был мне

и матерью, и отцом в одном лице. Разве могу я его предать? Разве имею право?

— Лёш, а меня предать ты можешь? — Ей так хотелось сказать: «нас предать»! Но она сдержалась, проглотила это слово.

— Это не одно и то же? — спросил он с мукой в голосе.

— А в чём разница? В том, что отца ты любишь, а меня — нет? — В её глазах блеснули слёзы, но она сдержалась, не позволила им пролиться.

— Не говори так. Ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю.

— Но сейчас ты рассуждаешь так, словно меня нет в твоей жизни. Говоришь только за отца и о своей любви к нему. Ни слова обо мне. А как же мы, Лёш? Куда мы денемся?

— Вика, я люблю тебя. Но сейчас я просто не понимаю, как правильно должен себя вести. Я не хочу, чтобы Анфиса и её отец сдали моего отца.

— Лёш... то есть ты женишься на ней. — Это прозвучало не как вопрос, а как приговор.

Он отрицательно покачал головой, но вслух не сказал ничего. Тишина повисла между ними тяжёлая, почти осязаемая.

— Лёша, если ты женишься на ней... обо мне можешь забыть. Я такое не приму и не пойму. Просто встану и уйду.

— У меня есть два месяца до свадьбы с этой... Горгоной, чтобы что-то придумать, Вик. Я буду пытаться. Искать вы-

ход. Слышишь?

— Если ты его не найдёшь... ты женишься? — Её голос дрогнул.

Он сделал глубокий, мучительный вздох, посмотрел в её глаза — чистые, испуганные, любящие — и качнул головой. Растерянно. Беспомощно.

— Я не знаю, как поступлю. Не могу тебе ничего точно сказать сейчас, Вика. Прости.

— Лёша, давай попросим помощи у моей мамы, а? — Она подалась вперёд, хватая его за руку, как за соломинку.

— Она поможет? Или навредит? — Он не верил. Но хотел поверить.

— Она никому не скажет. Обещаю. Всё будет тихо, шито-крыто.

— Ты уверена, что она не скажет?

— Да. — Голос Вики прозвучал твёрже стали.

— Хорошо. Давай поговорим с твоей мамой. Когда?

— Не будем тянуть время, которого и так нет. Завтра утром приходи ко мне домой. Мама и папа как раз вернутся от семейства Яровых.

— Хорошо, Вика. Завтра я буду.

Дмитрий Темнов вернулся домой только к вечеру — усталый, но с горящими глазами. Его брат Костя облокотился о косяк на кухне и наблюдал, как брат готовит себе заранее купленные белки куриных яиц. Костя не понимал, как это можно есть, но у Димы была своя, особая диета — железная,

как и он сам.

— Ты на ночь снова уходишь, Дим?

— Да. — Ответ прозвучал быстро, без тени сомнения. Дима сел за стол, принимаясь за ужин.

— Я уже слышал, что ты утром учудил.

— Арина разболтала, — произнёс Дима с невесёлой уверенностью. Он знал: язык за зубами сестра Вики держать совсем не умела, это был её крест и его личная головная боль.

— Да. Я днём общался с Ариной. Дим... зачем ты так подставил Вику перед Алексеем, а? — Костя покачал головой.

— Кость, — Дима осуждающе посмотрел на брата, и в его взгляде мелькнула настоящая боль. — Ладно Богдан и компания думают, что я могу быть на такое способен. Но ты... ты же мой брат. И, как я полагал, ты меня хорошо знаешь. Ты правда считаешь, что я мог специально кого-то подставить?

— Но ты ведь...

— Да, я был в доме Ковалёвых. И не вижу в этом ничего плохого: я добиваюсь девушки, которая мне уже давно нравится. Очень давно. А Алёшка... Он Вике не подходит. Слишком ревнивый и сопливый. Ему самому нянька ещё нужна. Если он не доверяет Вике — это его проблемы, не мои. Умышленно гадости я никому не делаю и не делал. В таком дерьме сроду не марался и начинать не собираюсь, запомни.

— Дим, Лёша ревнует тебя к Вике. Ты же ей прохода не даёшь.

— Кость... отвали, да? — Дима устало потёр лицо ладонью. — Лёша ревнует, потому что он болван. От Вики я не откажусь. И закроем эту тему. У меня ночью бои.

— Снова утром домой придёшь?

— Как всегда. Ты же знаешь.

— Мать ты точно с ума сведёшь. Она не разделяет твоего... такого увлечения. Совсем не разделяет.

— Понимаю. И мать понимаю, и отца. Но я уже взрослый мальчик, Кость. Сам разберусь со своей жизнью. — Он говорил твёрдо, но без грубости. — Кроме того, бойцовский клуб принадлежит Мирону. Мирон — зять Ярого, и последний Мирона во всём поддерживает. Я не вижу никаких причин для волнения со стороны родителей. Сидеть в конторе с отцом и Ярым я пока точно не готов. Я — боец, Кость. Иное мне на данном жизненном этапе просто чуждо.

— Как знаешь. — Костя вздохнул. — Но я устал уже слушать от Арины, как ты достал её сестру.

— Сегодня достал. А завтра она меня полюбит. — Дима усмехнулся, но в усмешке этой сквозила не наивность, а странная, упрямая вера.

— Вот взрослый ты, Дима, старший брат... а такой наивный. — Костя мотнул головой и оставил Дмитрия одного — с его белками, диетой и неразделённой любовью.

Утром Вика ждала возвращения родителей. Они приехали в шесть утра — уставшие, но довольные поездкой. Всем нужно было ещё успеть собраться на работу, но девушка не

сомневалась: сестра уже позвонила и рассказала о том, что здесь вчера произошло, не упустив ни одной подробности.

Вика обожала своих родителей. Папа — врач и владелец одного из лучших медицинских центров в городе. Мама — юрист, с острым умом и мягкой улыбкой. С родителями у Вики и её сестры всегда было полное взаимопонимание. Но в последнее время родители всерьёз взялись помочь Диме Темнову жениться на Виктории — чем невероятно, до белого каления раздражали последнюю.

— Папа. — Вика подошла к отцу, взяла его за руку — большую, тёплую, надёжную. — Ты зачем Диму Темнова у нас в доме оставил?

Андрей Ковалёв предложил дочке присесть, но та отказалась. Она устремила на отца возмущённый взгляд и не двигалась с места — стройная, прямая, как натянутая струна.

Андрей улыбнулся. Вика вся пошла в мать — тот же характер, тот же гонор, та же рассудительность, которая появляется не с годами, а рождается вместе с человеком.

— Вик, Дима к тебе пришёл. Я посчитал, что вам есть о чём поговорить. Оставил его в доме, потому что доверяю этому мужчине. Полностью. Я знаю его очень давно — ещё тогда, когда он пацаном сопливым бегал по двору. Знаю, что Дима тебя не обидит. Оставлять его в доме было вполне безопасно.

— Папа, но ты ведь уже знаешь: из-за Димы у меня были неприятности! — Голос Вики дрогнул от обиды.

— Знаю. Арина рассказала. — Отец вздохнул. — Вика, может быть, ты присмотрелась бы к Диме получше, а? Он так любит тебя... Кроме того, он сын Максима Темнова и Даши. Мы с ними уже почти как родственники. Неплохо было бы и породниться по-настоящему. Дима — настоящий мужчина. А Алексей... он неплохой парень, не спору. Но он нерешительный, ведомый. В его характере нет стального стержня, понимаешь?

— Но Алексея я люблю, папа. А ты меня не слышишь. — Она посмотрела ему прямо в глаза.

— А он тебя любит?

— Любит. Я знаю это точно.

— Тогда почему до сих пор не попросил твоей руки? — Отец прищурился. — Если вы с этим непутёвым друг друга любите, я не буду вам мешать. Поддержу. Женитесь. В чём проблема?

— Папа...

— Вика, я знаю: ты у меня дама характерная. Но не смей первая делать ему предложение, слышишь?

— И не подумая. — Она гордо вскинула подбородок.

— И хорошо. А пока ты свободная... я настоятельно прошу тебя присмотреться к Диме Темнову. Просто присмотреться. Прошу, а не приказываю.

— Папа, я услышала тебя. Надеюсь, что и ты меня услышал — и больше не будешь навязывать мне Диму. Если он приходит в наш дом, общайся с ним сам. А после — выпро-

важивай. И не оставляй его мне в качестве сюрприза. Я не люблю подобных сюрпризов. — Её голос звенел.

— Прости, дочка. Не думал, что так всё выйдет. Я хочу для тебя лучшего, только и всего. Дима — мужчина во всех смыслах этого слова. Запомни это.

<https://litnet.com/shrt/FbT5>

Вика не стала спорить с отцом.

А о чём, собственно, спорить?

Дима Темнов — вполне себе нормальный молодой мужчина. И в семье Виктории к нему все относятся очень позитивно. Но выходить замуж даже за идеального мужчину без любви Виктория не хотела. Она любила Алексея.

И пусть он самый обычный, со своими тараканами в голове, но как человек Алексей Виктории нравился. Лёша — простой, добрый, порой вспыльчивый и ревнивый, но легко отходчивый. Всегда готов слышать и слушать.

А Димка — он ураган. Виктории было комфортнее с более спокойным мужчиной. Каждому — своё. И идти на поводу у отца Вика точно не будет.

— Мама, ты ведь не собираешься уходить к восьми на работу вместе с папой?

— К девяти или десяти! — Яна посмотрела на дочь, после подошла к зеркалу, расчёсывая длинные тёмные пряди.

— Хорошо. Нам нужно поговорить.

— О чём?

— Лёша сейчас придёт.

Андрей переглянулся с женой. Оба нахмурились.

— Предложение делать придёт? — улыбнулась Яна.

— Нет, мама. Нам нужна твоя помощь как юриста.

— Вик, только не говори, что твой Алёшка куда-то вляпался? — Андрей встал перед дочерью, убирая в сторону свой рабочий портфель. — Пожалуй, я задержусь дома. Поеду на работу к девяти.

Яна вопросительно посмотрела на мужа.

— Операций никаких нет в первой половине дня, — пояснил жене. — Да и без меня в центре хирургов хватает, я беру на себя только сложные случаи. В конце концов, начальник я или нет, — хмыкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.